

ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

DOI: 10.17805/zpu.2019.4.17

Концепция Карла Маркса в сознании и практике российского общества XX века

К. А. АБУЛЬХАНОВА, В. А. КОЛЬЦОВА

Институт психологии РАН

Статья посвящена 200-летию юбилею Карла Маркса — выдающегося мыслителя человечества и реконструкции применения его идеи мировой революции в России — отдельно взятой стране.

Подчеркивается несоответствие Октябрьской революции 1917 г. концепции К. Маркса: захват власти не пролетариатом, а группой большевиков, превративших революцию в гражданскую братоубийственную войну, уничтожение вчерашних соратников — открытие эпохи авторитаризма в России.

Акцентируются противоречия власти и народа на разных этапах не имеющего научной программы построения и стихийно складывающегося общества, результатом чего явилось превращение марксизма в догму, и одновременно в идеологию и политику, отвлекшую народ от авторитарного управления трудом и самой жизнью.

Обращается внимание на то, что общественное сознание соотносится не с бытием — как в марксизме, а с определяющей его властью, превратившись в социальную психологию (понятие используется авторами в его нетрадиционном значении в историческом контексте) доверия и страха перед ней.

Период относительной стабильности общества, достижения в управлении трудом и ростки самоуправления сменяются застоєм, «оттепелью» и «бархатной революцией», совокупность которых, при деградации власти не позволила избежать кризиса конца века.

Ключевые слова: Карл Маркс; марксизм; революция; тоталитаризм; социализм; общественное состояние; общественные противоречия; история психологии

В статье обсуждается проблема: какую роль сыграла социально-философская и политэкономическая концепция Карла Маркса в исторической судьбе России XX в., совершившей революцию в «отдельно взятой» стране по призыву «Манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса (Маркс, Энгельс, 1974а)?

Марксизм в разной социально-философской интерпретации и ряде социально-практических движений, сформировавшихся в Западной Европе, распространился и в кругах российской интеллигенции. Однако отношение к идеям К. Маркса было неоднозначным. Известно, что в них сомневался круг философов, близких к народничеству, настаивавший на самобытности исторического развития России, связывавший его с ролью крестьянской общины. Скептически относились к возможности применения западных идей в России и славянофилы, и... западники, которые (при своих разногласиях) объединялись вокруг «Русской идеи», считая, что не в Россию должны

«импортироваться» западные идеи, а сама Россия должна сыграть в Европе свою *особую роль* (Бердяев, 1990).

Существовали разные мнения и внутри круга русских марксистов: как известно, Г. В. Плеханов — главный теоретик *русского* марксизма, раскрывал его социально-экономический характер. Ленинский подход был противоположным, и дискуссия между ними привела в 1903 г. к расколу социал-демократической партии на большевиков (Ленин) и меньшевиков (Плеханов).

Разногласия касались и оценки концепции Маркса как вершины философской мысли и его политэкономической теории как не *соответствующей* начальному этапу развития капитализма в России. Так что за призывом «Манифеста» к объединению пролетариев всех стран — к революции русская философская мысль не улавливала социально-политической и социально-экономической адекватности концепции Маркса для революции в России.

Была ли *Россия готова* к осуществлению революции? Вся русская интеллигенция и ее литература, философия были выразителем страданий народа, протестом его «униженного и оскорбленного» духа, нищенского бытия. Идеи Достоевского, Чернышевского, Герцена и др. побуждали российское сознание к необходимости перемен. Однако российское смирение, терпение, которые поддерживались верой в Господа и «Батюшку царя», по существу были *монархическими*, что противоречило *невыносимости* обнищания народа.

Что касается политического сознания рабочего класса, несмотря на титанические усилия Ленина, осуществлявшего (чуть не по всей России) политическое просвещение через участие в марксистских кружках и рабочих, и ссыльных, оно никак не было способно, с одной стороны, воспринять сложность «Марксовых» идей; с другой стороны, не понимало своего социального положения; но в определенной степени поддавалось революционной пропаганде — с третьей.

Расхождение мнений касалось и определения *начала* революции. А. И. Герцен, активно содействовавший распространению марксистских идей, публикации трудов К. Маркса в России, в итоге *изменил свою точку зрения* на необходимость *немедленного* осуществления революции, тогда как большевики настаивали на *немедленном* свержении самодержавия.

Следствием революции, согласно К. Марксу, должно было стать завоевание *пролетариатом* политической *власти*: «...каждый стремящийся к господству класс, — если даже его господство обуславливает, как это имеет место у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще, — должен прежде всего завоевать себе политическую власть, для того, чтобы этот класс, в свою очередь, мог представить свой интерес как всеобщий...» (Маркс, Энгельс, 1955: 32).

Соответственно, согласно «Манифесту», переходный период от капитализма к коммунизму предполагал создание особой формы государственной власти — *диктатуры* пролетариата, призванной решить основной вопрос революционных преобразований — экспортировать частную собственность капиталистов на средства производства и превратить ее в общенародную (Маркс, Энгельс, 1974а).

В результате революции должно было исчезнуть разделение общества на классы, а затем — при коммунизме — и государство.

В коммунизме воплощается мечта и цель научной и практической деятельности великого мыслителя: создание условий для раскрытия и расцвета человека в его подлинной человеческой сущности (Маркс, Энгельс, 1974b: 116).

Однако, если первоначальное Марксово философское определение категории Человека, его труда, связанного с развитием в нем способностей и сознания, носит *оптимистический* характер, отвечает *принципу гуманизма* — идеалу исторического развития Человека, то при раскрытии *конкретизирующих понятий* — история, общество, производство — вступает в силу другой ведущий принцип Марксовской диалектики — *принцип противоречия*. Как известно, само развитие осуществляется через противоречия, но существуют и противоречия, ведущие к деградации как человека (и индивидов), так и общества. Поэтому «вертикалью», связующей все координаты концепции Маркса, являются: а) гуманизм как развитие — совершенствование человека в результате присвоения им своим трудом природы, создания справедливого общества и достижения в нем свободы и б) отчуждения как результата неразрешимых на данном историческом этапе противоречий общественного бытия людей, все звенья которого он и выявил, и обосновал с математически точной достоверностью в своем «Капитале» — в наиболее исторически развитой форме *капитализма*: отчуждение труда, его продукта и самого человека.

Однако, следуя принципу диалектики — отрицанию отрицания, К. Маркс в отличие от социалистов-утопистов настоял на том, что отчуждение должно быть *путем революции* превращено в свою противоположность — присвоение, т. е. в становление Человечности Человека, создание справедливого будущего общества, которое Маркс и Энгельс называли коммунистическим.

Революция в России свершилась при сочетании трех сложных *обстоятельств*:

- 1) неожиданного добровольного отречения царя от власти, что в известной степени устранило *эту цель* революции;
- 2) затянувшегося решения о прекращении войны, в которой Россия потерпела поражение, что вызывало открытый протест солдат — рабочих и крестьян;
- 3) неуверенности революционного настроения рабочего класса и консервативной привычки всего народа к подчинению власти.

Это придало революции *анархический*, стихийный характер, который Ленин пытался преодолеть своим символическим появлением на броневике, залпом «Авроры» и «захватом» Зимнего...

В итоге: 1) из революции против власти царя она вылилась в *гражданскую войну против «белых»*, которых определяли только цветом (!), противоположным «красному», реально — братоубийственную войну поразительной жестокости; 2) революция не достигла цели — завоевания власти пролетариатом; 3) власть сосредоточилась в руках В. И. Ленина и узкого круга революционеров-большевиков.

Предполагается, что роль в революции, превратившейся (вопреки К. Марксу) из пролетарской в гражданскую, сыграло не общественное сознание, а *социальная психология народа*, особенности которой, с одной стороны, определялись характером российского менталитета, а с другой — были связаны с террором пришедшей в результате революции власти. Этой точки зрения придерживался Г. В. Плеханов (Плеханов, 1956; Кольцова, 1981).

Авторитарность власти сразу же проявилась в поиске врага — в своих же рядах — и с тех пор надолго закрепились в страхе масс. Эта направленность становилась все более актуальной — по мере того как власть приобретала *государственный* характер.

Первоначально для ее наименования употреблялись понятия, *связанные с народом*, реально осуществившим революцию и якобы пришедшим в ее итоге к власти. Это

звучало демократически: «*Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов*», т. е. подразумевало и участие «солдатских» депутатов (тех же рабочих и крестьян), которые — не по своей воле — были жертвами позорной войны России и Германии. Затем она стала именоваться «*рабоче-крестьянской*» властью. Из наименования исчезло понятие «депутаты». Оно просуществовало совсем короткое время, когда еще (само собой) подразумевалось участие *всех классов в осуществлении власти*. Но даже если этих депутатов в *Советы* и выдвигали, никто их советов *не спрашивал* и реально не включал в структуры власти. (На трибунах держал речь Владимир Ильич.)

Затем из наименования власти исчезло (как и из реальности) понятие «Советы». Впоследствии простым *превращением существительного в прилагательное* эпитет «советский» вошел в название государства — «Союз Советских Социалистических Республик» (что уже утратило первоначальный существенный замысел демократического — совещательного характера власти).

После создания коммунистической партии и ее превращения в механизм управления *всеми сферами общественной* (и личной!) жизни власть сосредоточилась в *Центральном комитете* коммунистической партии, председателем которой стал Вождь. Не касаясь политической и точной исторической стороны в последовательности этих переименований, есть потребность отметить, что даже в наименованиях *стремительно преобразовался характер* власти — из народной, из власти пролетариата (который не пришел к власти, «захват» которой был как бы целью революции) она превратилась во власть «*Вождя*» (реально единоличную — авторитарную).

Почему и для чего в России (далекой от первобытных племен и их вождей) возникло это понятие? Архаическое понятие вождя имплицитно заключало в себе символику *безусловности подчинения* власти. Его возникновение и употребление для обозначения *характера* власти имело целью *психологическое воздействие на массы*. Оно актуализирует образ предводителя, ведущего своих подданных вперед, доверие к тому, что знает *только он*, что *скрыто от всех*. Он обладает *особой* силой и дарованиями: он вызывает к себе *особое доверие* и *желание подчиняться*, потому его призывы и идеи воспринимаются как истины.

Социально-психологически здесь использовался *механизм внушения*, который особенно эффективен не в будничной, налаженной жизни, а в периоды общественных переворотов, потрясений, хаоса... И он не перестает действовать на психологию людей, в которой запечатлеваются самые *потрясающие* уклад жизни, события.

Иными словами, сознательно или интуитивно, но *гениально* (Ленин = гений!) власть *не стремилась к политическому просвещению народа* (к доступному ему объяснению происходящего), она *манипулировала* сознанием (психологией) людей для создания *необходимого ей социально-психологического настроя* в обществе.

Реальные акции власти носили разный характер. *Первым* — как выше сказано — был поворот сознания на поиск и уничтожение *врага*. Аресты, допросы и расстрелы были реальным проявлением *насилия*. Являлось ли оно реализацией идей К. Маркса?

Маркс предрекал проявление политического насилия в периоды социальных революций, оценивая его с *философских позиций* — как некий необходимый «толчок» для *высвобождения нового*. Но он-то имел в виду насилие для свержения *старого!* Ему не могло прийти в голову насилие нового в отношении *нового же* (вчераших революционеров, большевиков). Целью и смыслом коммунистического общества — в его понимании — было достижение и развитие *человечности Человека*, создание общества на основе принципа *гуманизма*. Он имел в виду *кратковременный характер насилия*

и не допускал его сохранения как *постоянно действующего* механизма при построении нового общества.

Однако понятие *врага*, которое было уже не применимо к монарху в силу отречения царя от власти, носившее *обыденный* социально-психологический характер, было переведено политической стрелкой и на «остатки» власти помещиков, кулаков, в состав которой входило и высокообразованное преданное России офицерство. Все эти «обломки царизма» были поименованы «белыми» и подлежали уничтожению. Это и была руководимая властью ее *вторая* акция — *братоубийственная гражданская война*, в которую переросла революция. И эта война прикрывалась тезисом, выдвинутым узким партийным кругом, — об «обострении классово-борьбы», *противоречившим гуманизму* Маркса и его идее *антагонистических классов*.

В *противоположном* направлении действовала *идеологическая* политика власти. Здесь можно говорить не о применении концепции К. Маркса, а о ее, в преобразованном (в политических целях) виде, *использовании*. Светлая идея Маркса о коммунистическом будущем человечества как царстве свободы, равенства, справедливости была превращена в *догматический лозунг*. Советская идеология насаждала народу *оптимистический настрой*. Лозунги советской пропаганды, массовых митингов, собраний, праздников имели целью пробуждение в массах направленности даже не столько на создание нового общества, но *близкое светлое будущее коммунизма*.

Это двойная политика — реального насилия и *оптимистических* призывов к «строителям коммунизма», содержащая в себе *противоречие уничтожения и созидания*, и *блокировала осознание людьми реальности советской действительности, понимание социалистического общества, «строя», в котором они живут*.

И осознание людьми своего бытия *замещалось двойственной противоречивой социальной психологией*, которая не отражала бытие (согласно марксизму), а выражала два противоположных чувства в отношении власти, *противоречивость этого отношения* — доверия, с одной стороны, и страха — с другой.

Народ, не имевший представления о цивилизованных способах функционирования власти, уставший от хаоса революционных событий, разрухи и нищеты, отсутствия налаженной жизни, воспринял фигуру Вождя как способного внести в жизнь общества упорядоченность и определенность и делегировал ему свое доверие. Одновременно с этим ему было (аресты и расстрелы на Лубянке, просачивавшиеся известия о которых в народ проецировались каждым человеком на *себя*: пришли, арестовали, расстреляли) *привито* непреходящее чувство страха. Это было собственно *социалистическое «новообразование»*. Оно отсутствовало в дореволюционном сознании: народ всегда *спокойно* смирялся с принуждением в силу вековой исторически *привычки* к принуждению. Но русской психологии было чуждо чувство рабства.

В психологической науке, как известно, под социальной психологией подразумевается, *во-первых*, психология определенной группы, общности, слоя, *во-вторых*, представления, образ мысли, установки, ценностные ориентации (в отличие от ценностей сознания), т. е. практически *не категоризованные*, социально ориентированные, «интуитивные» коллективные психические интерпретации жизни и характера *своей общности*. *В-третьих*, в отличие от сознания, которое воплощает особенности бытия общества (общественное сознание) или жизни личности (индивидуальное сознание) и является *регулятором практической деятельности общества* (или действий, поступков, жизни личности), что отвечает марксистскому тезису о зависимости сознания от бытия и бытия от сознания Человека, социальная психология, по мнению

Сержа Московичи, может вызывать настроение масс, состояние возбуждения масс, т. е. в известном смысле активизировать людей (Московичи, 1995).

С. Московичи называет свою концепцию теорией *социальных представлений* (Московичи, 1994, 1995). Мы, принимая эту номинацию как возможную для обозначения социальной психологии масс, общества, считаем, что она не сводится *только к представлениям*, но включает и интерпретации, установки и т. д.

Но — и это *принципиально для понимания сути социализма* — она *не регулирует практическую деятельность людей, общества*, придавая ей целенаправленный, строго и точно определенный характер.

Поэтому преобладание социальной психологии над сознанием социалистического общества не только вытесняло, замещало последнее, но и не обеспечивало осмысленной *регуляции* политических действий людей.

Когда речь идет об общественном сознании, некоторыми авторами предполагается, что в него включены и научные, и философские понятия, в которых раскрывается *социальная сущность* данного общества. Это особенно относилось к социалистическому обществу по идее как *построенному на научной основе*, на основе марксистской философии, принципе гуманизма.

Реально же социалистическое государство не имело ни в сознании власти, ни тем более — масс *научной концепции социализма*. Во-первых, ее не было у власти потому, что логичнее и авторитетнее для его «научного» определения представлялась *классика* марксизма, во-вторых, советская власть, не желая допустить к власти народ, не была заинтересована в сознательном (т. е. научном) управлении обществом. Оно управлялось *политически, идеологически*, что отнюдь не всегда требовало законодательного соблюдения Конституции. Поэтому марксизм как наука и философия не внедрялся в сознание людей (точнее, «внедрялся» способом, *исключившим его понимание*, через обязательные в каждом учреждении, заводе и т. д. занятия кружков «марксизма-ленинизма», и к этому не надо добавлять, что не подготовленные соответствующим образованием слушатели не могли понять сложности Марксовой концепции. Эти обязательные «политзанятия» не содействовали даже приблизительному *осознанию людьми* своего бытия.

Речь идет даже не о формировании научного осознания социалистической действительности, а о простом понимании особенностей своего общества. Тем *невозможнее стало его понимание*.

Причем, в отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса, заменивших понятие «социализм» понятием коммунизма *только* во избежание отождествления их концепции социализма с множеством других разнородных интерпретаций и движений в Европе, советская власть по *другой причине* произвела (или приняла) эту замену и фактически осуществила ее применительно к новому обществу, придав тем самым идеологии направленность в будущее, а не настоящее. Будущее же, как очевидно, еще научно достаточно не определено, но благодаря этому не нужно определять настоящее.

Таким образом, идеология имела функцию *авторитарного политического воздействия на социальную психологию общества*, направляя его *в будущее* для отвлечения осознания смысла и сущности *настоящего*.

Понятие «социальная психология» используется авторами в историческом контексте в другом, чем принято, значении: им обозначается более низкий, чем сознание, включающее и научные понятия, уровень, который, в отличие от сознания, не имеет присущей последнему целенаправленной активной регуляции действий, поведения

людей. Нельзя сказать, что в советском обществе тех лет не было отдельных мыслящих или хорошо образованных людей — политологов, философов, социологов — «политических обозревателей», которые бы не понимали происходящего в действительности. Они пытались через «щели» цензуры высказать, обосновать и донести свое понимание.

Однако понимание, как известно, отличается от объяснения. Объяснение же было исключено невозможностью квалифицировать социалистическое общество как демократическое при авторитарности власти.

И эта двойственная противоречивая социальная психология народа, *подавляющая* всякую определенность, надежность жизненного состояния человека, а потому — и всякую его инициативу, активность, совершенно *парадоксальным противоположным* образом проявила себя в психологическом подъеме народа и его деятельности в мирное — послереволюционное время и «внезапно» грянувшей войны.

Это была историческая особенность характера русского народа. Он — не сравнивая с судьбами других народов — *не раз и не два* в своей истории *доводился... до предела, до черты жизни и смерти*. Именно не просто полного обнищания, но *границы жизни* («Чую, с гибельным восторгом — пропадаю, пропадаю!» — так это сумел выразить Высоцкий). И это — сильнейшее экзистенциальное чувство — не страха и растерянности, а то, что на Руси называли *героизмом*, а при социализме — *энтузиазмом*.

Разрушенное в годы Гражданской войны народное хозяйство, массовый голод Поволжья и огромных областей России пробудили героические усилия народа для восстановления самой *возможности жизни*.

Вековая привычка к подчинению сменилась с той же парадоксальной, не понятной европейскому уму, особенностью русского характера — в моменты наивысшей степени трудности жизни — не прогибаться и страдать, а «разогнуть свою спину» (как Шалапин) и проявить... свою силу могучую...

Не имея власти политической, государственной, он всегда имел силу *преданности своей земле, своему Отечеству*, разделяя его судьбу, беды и трудности. Здесь по-новому происходило и исторически коренное *объединение* вчерашних классов — уже как «тружеников полей, фабрик и заводов» с талантливой русской интеллигенцией — изобретательской русской мыслью — научной, технической, творческой.

Была реализована электрификация всей страны. Построены мощные системы водоснабжения, создавалась индустриальная база экономики — фабрики и заводы. Однако такое стремительное строительство осуществлялось отнюдь не хорошо организованным (и хорошо оплачиваемым) трудом. Частично оно основывалось на *энтузиазме народа*, частично же массы политзаключенных отправлялись, например, на строительство Беломорско-Балтийского канала и других объектов в качестве бесплатной рабочей силы.

Те же противоречия пронизывали жизнь крестьянства — «тружеников деревни», добровольно-принудительно объединявшихся в колхозы, которые, имея свои преимущества в отношении технического обеспечения (сенокосилки, тракторы, транспорт и т. д.), осуществляли эксплуатацию их труда непосильными нормами поставок продукции в пользу государства.

Это было время *одной из форм объединения в труде*, отвечавшее склонявшемуся на каждом шагу принципу *коллективизма*. С настойчивостью, требующей лучшего применения, принцип коллективизма ориентировал на *интернационализм*. Более того, некоторые идеологи противопоставляли интернационализм *национализму* как проти-

воречащему принципам коммунизма. Между тем за национализмом, *на самом деле*, стоял наш героический народ с его русским менталитетом, сочетающим покорность, терпение и... мужество. И именно от него хотели отказаться, зачеркнуть правоверные «последователи» марксизма в России.

Правда, после создания гигантского коллектива — Союза Советских Социалистических Республик — уже нельзя было твердить о русском национализме.

Союз был *интернационален*, имея в виду не мировые масштабы, а многонациональность Советского Союза. Но вопреки всякой логике теперь коллективизм стали связывать с *патриотизмом*. Разве многонациональное население России до создания Советского Союза было не патриотичным? Разве не оно возрождало свою землю и своих людей к жизни?

Другие коллективы закономерно складывались в сфере производства. Естественное деление на разные цеха в зависимости от специфики производства создавало внутри каждого *производственную* основу, к которой и *привязывалось* понятие коллектива.

Но смысл коллективизма не мог сводиться к объединению только по характеру труда.

Гениальность В. И. Ленина как вождя заключалась в том, что он нашел связующее звено между авторитарностью власти и необходимостью для нее охватить «*низы*» — рабочих, народ, чем обществу был бы обеспечен демократический характер. И «средство» — это связующее звено у него уже было «под рукой» — это была (правда, еще не проявившая себя во всей своей силе) еще до революции сложившаяся *партия большевиков*.

Вряд ли Ленин использовал ее на новом этапе, боясь возврата к анархии. Он поставил и решил задачу соединить авторитарную власть с пронизывающим все общество механизмом организованности, контроля и *управления* (!). *Переименование партии большевиков в коммунистическую партию было продуманным политическим ходом*: такая партия *отвечала* идее коммунизма и *стала* механизмом *управления, властью над всеми* массами — механизмом контроля, дисциплины труда, образа жизни и мысли.

Если какие-то годы коммунисты были действительно искренне воодушевленными и преданными делу Ленина, честными, смелыми людьми, то с годами это грандиозное коллективное объединение, обретя достаточно жесткие организационные формы, стало скорее средством дисциплинирования людей в необходимом «*для дела партии*» направлении.

Все исполнительские механизмы — принятие в члены КПСС, партийные собрания, являвшиеся *как бы* выражением воли *большинства* (голосованием по числу поднятых рук), сочетались с партийными выговорами, угрозой исключения из партии (со всеми вытекающими отсюда последствиями) — «ты мне заплатишь за это своим партбилетом», — эти *санкции* уже не столь обеспечивали *добровольное* единение людей, а скорее их подчиненность «воле партии». Так был найден контрольно-управляющий, дисциплинирующий и направляющий массы механизм государственной власти. Эта идея, несомненно, принадлежала Ленину.

Важные и ответственные вопросы, как известно, решались на пленумах ЦК, что также соответствовало «коллективной» форме управления (если решения принимались не до его начала).

Научное обозначение советского общества, начавшееся с перевода *марксизма* в *ленинизм*, завершилось — после смерти Ленина — превращением последнего в *стали-*

низм, именовавшийся теперь «Учение». Марксизм, в начале декларировавшейся как основа политического определения социалистического государства, уже не имел никакого влияния ни на *создание концепции* социализма, ни на практику его осуществления. Задача политэкономического и социального прогноза из сознания В. И. Ленина в свое время была вытеснена целью *немедленного* революционного преобразования действительности. После его смерти трудности смены Вождя — прихода Сталина к власти, в свою очередь, *вытеснили* из его сознания необходимость создания программы построения общества «нового типа». Сознание Сталина, ставшего Вождем, было занято основной целью — упрочения своей власти путем уничтожения соперников и избыточной «свиты». Он, будучи грузином, *постепенно* открывал для себя характер русского народа (тридцатые — довоенные — десять лет восстановления и построения народного хозяйства), и... *вынудил его к такому пониманию урока «внезапной» войны*. Восстановление и построение народного хозяйства также осуществлялось не по государственному плану (хотя в «обиходе» социальной жизни постоянно фигурировало слово «план» (пятилетние планы, план ГОЭРЛО и т. д.). Но реальность выполнения плана не просчитывалась...

Однако интуитивно, пока была жива еще тень революционной анархии, чувствовалась необходимость найти некоторые эффективные для власти и удовлетворяющие народ *способы управления производством*. И это коснулось прежде всего *центрального для Марксовой концепции характера труда* рабочих. И такой способ, составивший *реальное достижение социализма, был найден*.

Нам не известно, кто был автором этой идеи. Но были установлены нормы рабочего и свободного времени (норма рабочего дня). Были введены *нормы производительности труда* и пропорциональная им тарификация *оплаты* труда. Этот принцип организации труда *исключил эксплуатацию рабочей силы, труда* и явность отчуждения его продукции от производителя (не говоря о прибавочной стоимости). Последняя поступала государству — в сферу общественного потребления.

На том этапе это было *достижением социализма* в двух отношениях. Этот принцип организации труда явился *блокадой* для дальнейшего *развития капитализма в России*, начавшегося до революции. Этот принцип открыл людям возможность *удовлетворяться чувством равенства* (что было крайне важно после многовекового угнетения). Трудно судить ретроспективно, наверное, этот принцип признавался *справедливым*. На уровне обыденного сознания в обыденной жизни — при низком уровне жизни — все жили *одинаково* (в коммуналках, в одежде, перешитой из родительской, все стояли в очередях и т. д.).

Однако В. И. Ленин, несший на субботнике то самое бревно, заложил в сознание советских людей *пагубную идею* соревнования. Соревнование испокон веков было способом сравнения людей друг с другом, который не просто выявлял *различия* в силе, таланте и т. д. Соревнование *побуждало к большему напряжению* своих способностей *их обладателем*.

Идея соревнования, названного социалистическим, была поставлена «на поток» (кстати, конкуренция, которая связывается с капитализмом, также является способом соревнования). Хорошо, если соревнование приводит к совершенствованию орудий труда, его технологизации. Но в то время, в социалистической России оно заключалось в *перевыполнении нормы производительности труда*. По факту нам известно, что работница на фабрике, имевшая трудовую норму обслуживания 5 или 10 станков, брала на себя *«повышенные обязательства»* — обслужить *15 станков*.

Что это означало реально? Маркс утверждал, что в труде рабочий совершенствует ловкость своих рук, силу своего тела и т. д., т. е., как считается в психологии, *развивает свои способности*. Это неоспоримый и позитивный факт, так же как изобретательство в усовершенствовании орудий производства.

Но здесь был (может быть, мы ошибаемся в оценке?) *спровоцирован энтузиазм нашего человека*. Мы не распространяем эту оценку на период Великой Отечественной войны, когда преимущественно женщины, сменившие ушедших на фронт мужей, не на фабриках, а на заводах (при добровольно установленном едва ли не 20-часовом рабочем времени) производили *вооружение для фронта!* Это был героический самопожертвенный энтузиазм. Здесь же первоначально была вызвана *инициатива* рабочих. Это социалистическое соревнование всячески поддерживалось и пропагандировалось партией «на местах» и в прессе. Публично поощрялись *передовики* социалистического соревнования, его *победители*. Это вызывало в людях сознание социального *одобрения*, что было совершенно новым и приносило удовлетворенность.

Но за этим позитивом оказался скрыт *негативный эффект*, основанный на наивности советского человека, его *запредельной* самоотверженности. Взятие на себя — *добровольное* — обязательств *превышения нормы труда*, получения большего объема производимой продукции и т. д. Фактически это было *самоэксплуатацией* рабочего. Это требовало, естественно, *превышения своих физических сил*, напряженности, превышения скорости работы.

Труд *не отчуждался от рабочего, не эксплуатировался капиталистом* (или при социализме бригадиром, начальником цеха и т. д.), но *эксплуатировался самим рабочим*. Естественные нормы усилий, напряженности, исследуемые в эргономике, *превышались* не день, не два, не неделю... и это приводило, естественно, к износу организма, неотвратимой усталости, болезням. Но это было *скрыто от сознания* трудящихся и общества в целом.

Не этим ли было вызвано через некоторое время падение производительности труда? Итак, власть *эксплуатировала не труд, а его производительность по доброй воле самого рабочего*. Больше того, она эксплуатировала *энтузиазм* народа.

Разумеется, у народа отсутствовало осознание сущности этих «рычагов» управления. Имела место удовлетворенность, труд был возведен в социальную ценность, что вызывало чувство гордости, а также новое для русского труженика и вышеупомянутое удовлетворение *равенством*.

Когда К. Маркс писал о «превращенности» разных социальных и экономических форм, он никогда бы не додумался до *такой* возможности превращения. Для этого надо было быть русским мыслителем.

Таким образом в обществе того периода сложились две — *противоположные* по своей сути, характеру, направленности — силы: сила *авторитарной власти* — двуличной, если не сказать лживой, — в основном направленной на свое самоутверждение путем прямого жесткого (жестокого) или скрытого управления народом и сила *народного энтузиазма*, спасавшего и спасшего жизнь России.

В начале статьи обсуждались вопросы, был ли *осознан марксизм* в качестве *программы революции* в России, была ли подготовлена в России почва для такой революции в контексте степени сознательности, осознанности революционных событий и Гражданской войны. Далее обсуждался вопрос — создала ли власть, какое общество ей предстоит строить, и создал ли сам народ, в каком обществе он... «оказался». Ведь замысел Маркса состоял в том, что социализм явится *в истории обществ*

вом особого типа — сознательно, целенаправленно построенным этапом перехода к коммунизму...

Сейчас может быть поставлен вопрос, как при наличии *двух реальных социально-политических сил в Советском Союзе* (опуская глобальный сложный вопрос о его образовании, требующий специального обсуждения, поскольку К. Маркс и «не мечтал» о таком объединении) осуществлялось (и осуществилось ли ретроспективно?) его научное определение.

Марксизм был переработан в ленинизм, несколько затемнивший своей интерпретацией империализма прямую задачу определения социализма. А в сталинском учении вылился в триаду: политическая экономия, марксистская философия, *научный социализм*, впоследствии замененный... *научным коммунизмом*... Социализм перестал быть научным, им стал коммунизм.

Таким образом, ни философская эрудиция Ленина — социолога, политика, практика, ни философская необразованность Сталина («Анархизм или социализм?», но его властолюбивый ум!) *не привели к созданию научной теории социализма*. Он «выпал» как научный из вышеприведенной триады, из понятия превратился в эпитет «Союз Советских Социалистических Республик»...

Возникает вопрос: почему даже при сведении марксизма к идеологии, а последней — к лозунгам Вождя не позаботились о *граммотной формуле* несводимого к идеологии научного определения хотя бы своего «Учения»?

Ведь в триаде «политическая экономия, марксистская философия, научный коммунизм» (где марксистская философия конкретизируется как диалектический и исторический материализм) «политическая экономия» (дань К. Марксу!) *не называется наукой*, тогда как коммунизм сопровождается эпитетом «научный»! Эпитет «марксистская» относится только (!) к философии (не к Марксовой политэкономии), а *социализм*... не упомянут¹.

Обратите внимание на критику С. А. Рубинштейном марксистской философии в советской интерпретации: ее предмет — считает он — сводится к триединству — «природа, общество, мышление», а Человек — выпал!²

Здесь же можно добавить — по какому основанию создавалось это *разнокачественное единство*? А общая формула, гласившая *«три источника, три составные части марксизма»*? Значит ли это, что у марксизма не было единой внутренней логики, а складывался он — как в арифметике — из «составных частей»? И что за «источники» имелись в виду? Для К. Маркса или для Вождей социалистического общества?

Можно предполагать, что отсутствие научной номинации (не говоря уже о теории или программе) *затруднялось задачей соотношения концепции К. Маркса с представлениями руководителей государства, и это главное — с реальной действительностью*.

Как можно было, утверждая диалектичность философии К. Маркса, признать наличие противоречия в «едином» советском строе двух сил, строивших социалистическое государство, обеспечивающих его достижения (!), противоположных по своей сущности: силы *Вождей, партийной организации* — демократической по своему охвату числа людей — механизма авторитарной власти и *силы героического русского народа*. Ведь противоречие должно решаться!

И сохраняя объективность — для судьбы страны было счастьем, что в трагический период Великой Отечественной войны они оказались едины!

Одержанная в Великой Отечественной войне победа доказала потрясающую весь мир и наполовину поработенную Европу *силу Советского общества*, силу мужества

и самоотверженности народа. Мы действительно *реализовали историческую миссию России в Европе* — мечту, воплощенную в «Русской идее» дореволюционной философии. Но дал ли Сталин передышку народу после войны — послевоенного — опять (!) восстановления самой жизни!

С конца 1940-х и до весны 1953 г., за эти менее чем пять лет, дал ли тов. Сталин «отпуск» своему народу — почувствовать если не стабильность жизни, то возможность сосредоточиться на своей — личной — жизни? (Хотя личность в нашем обществе не считалась человеком, а научно определялась как «совокупность общественных отношений» — ее ли к обществу или общества к ней? И стандартная совокупность, потому что считалась «всесторонне и гармонично развитой»!) Вождю — стареющему и теряющему свою силу — было недостаточно страхов вчерашних. Он не принимал «усталости» общества, стремления каждого к упорядоченности своей жизни.

Он снова оживил и воскресил вчерашнюю тень «Врага», вопреки тому единству, которое было достигнуто в уже бесклассовом обществе.

Расправа последних лет трагического периода 1940-х годов была бессознательным желанием не дать передышки. Это была известная расправа с врачами-«вредителями», с безродными космополитами (читай — евреями), с противниками его любимца — Лысенко. Это были разгром психологии (слишком разбиравшейся в проблемах сознания) и «замена» ее учением Павлова = физиологией. При всем разнообразии «составляющих» — научных направлений разгрома, обобщая его суть, можно сказать, что *это был удар по интеллигенции* — разумной части общества, которая могла бы «открыть» глаза народу.

И не кажется ли противоречием явное уклонение Сталина от научного определения целого нового общества и его самоуверенность в частных областях специальных наук?

Каково же было в этот период состояние философски, политически мыслящей интеллигенции, которой также коснулась карающая рука власти, распространившаяся на ряд наук, и философов в том числе?

Ведь ей напрямую была делегирована ответственность за судьбу марксизма в Советском Союзе. И происходило ли развитие оригинальной философской мысли? Никто не будет возражать против того, что бессмысленно в одиночку пожертвовать своей жизнью, протестуя против власть имущих, но одновременно и трудно понять тех, кто при своем советском энтузиазме не попытался дать хотя бы грамотного *изложения* Марксовой (да, сложной, да, многогранной) концепции.

Философская и научная интерпретация марксизма была представлена в работах философов, историков, специалистов в области политэкономии и научного коммунизма. Но куда исчезла прерванная расстрелами революции глубокая, страстная, противоречивая русская философская мысль? Об этом стоит задуматься хотя бы в знак светлой памяти декабристов, Достоевского... Они *боролись* мыслью против мысли, но иногда — и власти.

Труды, написанные с идеологических позиций, перенасыщенные идеологическими восторгами, попросту говоря, до определенного времени (т. е. долго) не *являлись попытками соотнести марксизм с реальностью социализма, тем более не являлись научным социальным определением социализма*, советского общества. Это в лучшем случае было *изложением* учения Маркса как *знания*, его *пересказ*, не связанный с побуждением познания. Маркс (конечно, косвенно) сумел (!) остановить движение и развитие русской философской мысли! Но... лишь на определенный период. Соот-

ветственно, российская история — уж такова судьба — приостановила *развитие* марксизма.

К концу 1950-х гг. произошло разделение философов на *левый и правый* лагерь. К левому принадлежало — в основном — пришедшее в Институт философии АН СССР из МГУ *молодое поколение*. Их отличали, во-первых, способность вести дискуссии (что не практиковалось в деятельности Института философии), во-вторых, обращение к доскональному осмыслению подлинников К. Маркса и Ф. Энгельса и творческий подход к воспроизведению их идей в новых социальных контекстах (Г. С. Бабищев, А. А. Зиновьев и др.). С новых позиций рассматривались проблемы гносеологии (субъекта познания) (В. А. Лекторский), сознания (М. К. Мамардашвили, А. П. Огурцов и др.), морали (О. А. Дробницкий), религиозного и общественного сознания (Ю. А. Левада), культурологии (С. С. Аверинцев), социологии (Ю. А. Замошкин, А. В. Лапин и др.), герменевтики (П. П. Гайденко). Все эти проблемы анализировались в контексте мировой современной мысли, которая уже не оценивалась априорно как буржуазная (тогда как в Институте философии в тот период существовал сектор, название которого говорило о многом: «*Критика буржуазной философии*»), и наконец, в контексте истории философии. Это было поколение широко образованных талантливых философов. Их поддерживали отдельные представители самого старшего поколения, побывавшие в лагерях или обвиненные в космополитизме (А. Ф. Лосев, С. А. Рубинштейн и др.). Здесь зрели философские силы будущей «бархатной революции».

«Классики» марксистской (читай — ленинско-сталинской) философии были представлены маститыми академиками — лицом Академии наук СССР, которые «разрабатывали» проблемы диалектического и исторического материализма в ключе идеологии и политики Правительства: классиков марксизма-ленинизма, затем — классиков Ленина — Сталина. С этих позиций создавались учебники для высших учебных заведений, читались актуальные доклады, писались энциклопедии.

В Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова на философском факультете среди среднего поколения преподавателей были блестящие умы, профессионалы, имевшие смелость преподавать политэкономическую концепцию Маркса (по «первоисточникам», т. е. по самим оригиналам работ К. Маркса и Ф. Энгельса), исторический материализм (с «подстрочником» о современном состоянии общественных отношений) так, чтобы мысль студентов направлялась на понимание, осознание советской действительности, закладывало «затекстное» содержание их мировоззрения. (Термин «затекстное» — имплицитное, подразумеваемое удачно введен в философию Ю. В. Колесниченко.) В их числе были профессор М. Я. Ковальзон, удивительным образом при своем нонконформизме «допущенный» к преподаванию таких идеологически «острых» дисциплин, К. Мансилья — испанец, эвакуированный в СССР в числе других детей в годы трагических событий в Испании (затем, правда, как недостаточно благонадежный вынужденный перевестись на физико-математический факультет). Они учили не адаптированному «по-советски» марксизму, а способности задумываться о самых сложных проблемах действительности.

Мы не останавливаемся здесь на трудах С. А. Рубинштейна, который, будучи числен советскими философами к психологии, заведовал, затем только преподавал, затем... был уволен из МГУ, хотя стойко держался в Институте философии, несмотря на снятие с должности заведующего сектором философских проблем психологии, не говоря о прежней должности заместителя директора Института философии и невзирая на мольбы действующего директора уволиться «по своему желанию», дабы не навлечь

кару на весь Институт (и его — директора лично). Причиной «исключения» С. А. Рубинштейна из рядов философов и причисления к психологам (хотя и там его настигла карающая идеологически-политическая рука) являлось то, что — осмелился это утверждать — он знал труды К. Маркса еще в 1920-е гг., и лучше, чем большинство «правверных» академиков, поскольку обращался к ним неоднократно — на всем протяжении жизни (в связи с разными задачами): в 1934, в 1959, 1960 гг. (в посмертно опубликованной статье) и в 1958–1959 гг. изложил свою философскую концепцию, отличавшуюся от классического марксизма, позволив еще себе при этом диалектическое — и позитивное и критическое отношение к Марксу (!) и критику современного советского общества (!!!). Эта концепция, оставшаяся в рукописях, была опубликована *только в 1973 г.* (с «конъюнктурными» комментариями) (Рубинштейн, 1973), а глава 6, содержащая прямую критику Маркса и советского общества, была включена в издание монографии «Человек и мир» только в 1997 г. — почти через четверть века (Рубинштейн, 1997).

Мы не обсуждаем в данной статье концепции С. А. Рубинштейна сравнительно с Марксовой, что потребовало бы другого, как сейчас говорят, «формата» статьи. Тем более что С. А. Рубинштейн вел дискуссии с Д. Лукачем, Р. Гароди и другими «буржуазными» философами-марксистами.

Однако, чтобы не быть голословными в обвинениях крупных советских философов в начетническом изложении марксизма, приведем, без упоминания имени автора (чтобы не нанести ему морального ущерба), выдержку из статьи, опубликованной в журнале «Вопросы философии», посвященной «50-летию Октября».

Цитируем текст статьи (без указания автора и названия), так как приводимый текст является *настолько стандартным*, что его мог писать (под копирку) любой философ «истматчик», любой академик: «Октябрьская революция *родила* новое общественное и государственное *устройство* и новую культуру. Совершилась глубокая революция в *сознании масс*, революция, без которой были бы невозможны ни Октябрьская победа, ни дальнейшее историческое *движение по открытому ей пути* (имеется в виду гражданская война? — К. А., В. К.). В ходе социалистического строительства *сознание масс стало социалистическим* и все более *развивается* (?) в этом качестве. Революцию в сознании можно охарактеризовать как: 1) проникновение в массы этой идеи, что коммунизм есть наивысшая социальная ценность; 2) поворот от национального эгоизма к интернационализму; 3) развитие психологии коллективизма и, что составляет особенность *социалистического общества*, утверждение его в сфере труда; 4) утверждение самосознания (?) народных масс — осознания ими своих сил и способностей; 5) растущее приобщение (?) масс к *научному мировоззрению*» (курсив наш. — К. А., В. А.).

Смерть Сталина вызвала растерянность, с одной стороны, и борьбу за власть — с другой. Она провела *своеобразный водораздел в психологии общества* в целом. Для одних фигура Сталина, как известно, само его имя были связаны с победой в Великой Отечественной войне, как бы перекрывшей его прошлые злодеяния, у других — его смерть вызвала ликование — радость освобождения от *Диктатуры* Вождя.

Но другое событие — разоблачение Н. Хрущевым культа личности Сталина в известном смысле «общественным сознанием» было воспринято как *опровержение целого — трагического и победоносного одновременно — значительного этапа самой жизни общества*. Для тех, кто воспринял это как: «все было неправильно», это был подрыв не только уверенности во власти вообще, уверенности в жизни прошлой, но и появление неуверенности в жизни сегодняшней и «завтрашней».

Если бы Никита Сергеевич строил доклад не «под себя», где-то понимая, как трудно будет ему править страной после такой «глыбы» Вождя, то он мог бы предложить народу не только светлое будущее, «засеянное кукурузой», но стало бы возможным говорить о *начале развития общества*. Но отрицание прошлого не вызывает направленность на осознание будущего.

Но именно после этого исторически поворотного события возникают два *противоположных состояния* общества — *застой*, с одной стороны, *оттепель* — с другой. Они сразу же заявили о себе, в своем явном и развитом виде, что в равной мере являлось противоречивым следствием предшествующего этапа и прологом в истории «Государства Российского»...

Застой был связан и с ослаблением энтузиазма народного, и с появлением у него неуверенности в политике управления, прежде всего — производством.

Оттепель проявилась в ослаблении давящей силы власти в идеологии и политике. Власть опять сосредоточилась во внутренней борьбе за нее. Оттепелью явилось значительное дистанцирование общества от власти (хотя вспышки усиления прессинга, контроля еще имели место в период так называемого Андроповского *правления*). Народ сосредоточивался на своей жизни, а ее все хотели втиснуть в социальные сети.

Бархатная же революция явилась и *открытым*, и *подпольным* идеологическим и человеческим протестом — в основном интеллигенции против насилия над жизнью и сознанием человека, личности (А. Сахаров, А. Солженицын и др.). Он проявился и в сфере искусства, культуры (Б. Окуджава, В. Высоцкий и др.), театре на Таганке, и «бунте» философов³, и в многих, многих других формах и проявлениях. Эта революция не была однократной — она продолжалась десятилетиями. Бархатная революция проявлялась в особой *настроенности общества на социальные перемены*, в открытом протесте и подпольной самиздатовской деятельности.

К проявлениям бархатной революции относится диссидентство — официальная и поддерживаемая Западом эмиграция в открывшуюся «щель» железного занавеса. Однако нужно сразу провести водораздел между теми, кто эмигрировал в поисках комфортной жизни на Западе, и теми, кто эмигрировал «против» — в знак протеста против власти, сохраняя свою преданность Родине. В этом проявилось повторение судьбы «западников» в дореволюционной (и первых лет после революции) эмиграции.

Однако, кроме застоя, оттепели, бархатной революции и диссидентства, которые *пронизывали* общество разнонаправленными — позитивными и негативными тенденциями, движениями, появились — *вопреки застою в производстве — ростки нового способа его организации*, которые могли бы явиться *шансом развития этой основы общества*.

Создание нового Института психологии в системе Российской академии наук, на который была возложена, во-первых, задача координации психологических центров страны, их исследований и, во-вторых, внедрения психологических знаний *в практику* (преимущественно в ее области, связанные с обеспечением безопасности страны, ее техническим развитием, — авиация, подводный флот, промышленное производство).

Б. Ф. Ломов — первый директор Института психологии, талантливый ученый и социально мыслящий руководитель — с самого начала своего руководства сосредоточил внимание «команды» института на проблемах *инженерной* психологии и проблемах *управления* в психологии труда. Создавались новые принципы управления, учитывающие в его осуществлении важнейшую *роль человека* — уже не как фактора, а как организатора труда.

Лабораторией социальной психологии (Е. В. Шорохова, А. А. Журавлев и др.) были развернуты полевые исследования, имеющие целью содействовать переходу от рутинных, нормативных форм управления к *самоуправлению* в рабочих бригадах. Несмотря на небольшой масштаб исследований, они имели радикальное значение и могли бы — в перспективе — стать *основным экономическим механизмом организации труда его субъектами и поворотом страны* к действительно демократическому социалистическому обществу⁴.

Только сегодня открылись «тайные папки», содержавшие сведения о беспредельной самоотверженности советских изобретателей новейшего военного оборудования (в том числе атомной бомбы) непостижимыми международному сообществу сроками и способами...

Однако все эти факты, свидетельствовавшие об огромном творческом, культурном, техническом потенциале русского народа, не позволили ему *вступить на радикально новый путь развития в силу отсутствия практической социальной способности* к переустройству государства. Отдельные «точки» прорыва стягивали силы разных блестящих организаторов, мужественных людей, но не успела сработать та сила общинности, объединения, которая победила в Великой Отечественной войне.

Одновременно в палатах «царства» власти совершалась тайная революция, заключающаяся в *присвоении* отдельными, «державшими в руках ключи» членами правительства всех сырьевых источников промышленности и ведущих промышленных предприятий⁵. Властью (ее отдельными представителями) было захвачено *экономическое сердце* страны. Вспоминая К. Маркса, можно сказать, что это была *победа капитализма над социализмом* (не успевшим реализовать свою социально-демократическую сущность).

Итак, за одно столетие Россия пережила две достаточно сходные революции — победу социализма (его власти) над «незрелым» капитализмом и — победу капитализма над незрелым социализмом (сохранившим «в остатке» форму государственности, ее атрибуты и «остатки» финансов (бюджет), *недостаточные* для обеспечения народу достойного уровня жизни).

Но это уже сегодняшняя «история»...

* * *

Из краткого обзора судьбы России в свете юбилея Карла Маркса можно сделать несколько выводов.

1. Россия в XX в. *подтвердила*, казалось бы, несбыточную «Русскую идею» — прогноз глубочайшей русской дореволюционной философской мысли — славянофилов и западников — об *особой миссии России в Европе*, в мире. Она подтвердила эту миссию ценой миллионов жизней своей победой над фашизмом.

2. В России был *подтвержден* многовековой *опыт роли личности в истории*. Однако эти роли были одни — позитивными для развития Государства Российского, другие — негативными, тормозя его прогресс. К числу последних относятся личности «Вождей», взявших на себя смелость *применить Марксов* призыв (к революции *мирового* пролетариата) в России (отдельно взятой *стране*) реально к осуществлению революции не подготовленной, невзирая на трагичность произошедшей революции для народа, они *продолжили* своей авторитарной властью (волей) эксперимент⁶, небывалый в мировой истории — построения государства без научного понимания его соци-

ально-экономической сущности и научной программы этого построения (*эмпирическим путем* (И. В. Сталин) (если коммунизм, согласно его социальной «маркировке» в «Учении» К. Маркса был назван *научным*, то социализм, как показала история, под это определение... не подходил)).

3. *Авторитарный тип* власти определялся не столь традицией российской истории, которую идеологи называли национализмом, а личным властолюбием «Вождей», их безответственностью перед народом, отсутствием государственного мышления, политического, экономического, социального прогноза, чем был принесен в жертву народ России в период революции и Великой Отечественной войны и возникла угроза самой жизнеспособности государства.

4. Этим *объясняется* факт *превращения концепции К. Маркса*, содержавшей множество прогрессивных для будущего человечества научно-практических идей, интерпретированных во всей их глубине и многогранности теоретиками «Марковского наследия» в мире, в марксистскую *идеологию*, в которой *догматичность*, примитивно оптимистический лозунговый характер сочетались с *лживостью*, поскольку *маскировали антинародный характер*⁷ власти, ставшей непререкаемым *собственником* природных, производственных ресурсов, и главное — человеческих жизней, судеб людей.

5. Так же как *власть* не имела научного определения общества, которым она управляла — путем *насилия* и механизмами, пронизывающими и контролирующими все сферы жизни людей, так же и народ — вопреки тезису о зависимости сознания от бытия — *не осознавал сущности «строя», в котором он живет*. Его сознание было *замещено социальной психологией* (не в классическом значении этого понятия), которая воплощала в себе *противоречивое* и изменчивое (но не *отношение* к своему бытию), а к *власти* — сочетание *доверия/недоверия и страха*. Эта психология и сама была *внутренне противоречива*, поскольку в ней сталкивались *подчинение власти* и присущий российскому менталитету — дух мужества, стойкости и... самопожертвования ради блага Родины.

6. В Советском Союзе сложились две — *противоположные* формы организации труда — исходящая от власти — управленческо-нормативная на производстве и *самоорганизация* труда *самим народом* — не в масштабах фабрик и заводов, а *всей страны*, имеющая своей *целью восстановление* ее жизни, жизнеспособности. В первом случае управление осуществлялось властью и партийным механизмом. Во втором — российский народ, пожертвовавший миллионами жизней, стал *подлинным субъектом труда*, восстановив страну из военных руин и продолжив ее строительство.

7. В сложившемся обществе было *эмпирически преодолено деление* на антагонистические классы, присущее капитализму. Но в общественной стратификации «прослойка» интеллигенции не являлась «средним классом» западного типа, придающим устойчивость обществу: она выполняла свою *творческую роль* в жизни общества, *обеспечивая* стремительный технический прогресс, *поддерживая дух народа* уникальными высочайшего уровня произведениями культуры, и (частично подпольно = самиздатски, частично — открыто публично) *фаскрывала глаза* *самосознанию народа на социально-политическую реальность его бытия и его власти*.

8. Научная философская *презентация* учеными и преподавателями сущности *марксизма*, его *интерпретация* для советского общества, не говоря о его развитии на русской почве, *идеологически и политически блокировалась*. Марксизм презентовался в его *текстовой*, а не сущностной форме, «цитатнически», что являлось законом публикаций, преподавания, научной и философской деятельности. В этой сфере про-

изошла *подмена авторства*: марксизм сначала превратился в ленинизм, а затем — в сталинизм, в «Учение» (как для школы) Ленина — Сталина. Однако, несмотря на акты депривации ученых и даже целых наук, предпринимаемые Сталиным под флагом ревизионизма, космополитизма и... того же «пугала» врагов — «вредителей», преподаватели обучали студентов диалектике социально-экономического мышления, развивали их способность мыслить.

Крупнейшие государственные центры — Российская академия наук, Московский государственный университет, Академия педагогических наук и другие властью своих руководителей на определенном этапе стали противостоять идеологическому научному конформизму и, продолжая лучшие традиции российской науки, поддерживали высокий творческий потенциал общества.

9. При сравнительно с мировым *низком уровне жизни* народа его наука и культура *развивались необычайно высокими темпами*, воспроизводя свой исторический опыт (с восхищением отмеченный Н. Я. Данилевским опыт преодоления Россией своего четырехвекового (!) отставания от других цивилизаций) (Данилевский, 1994). Это, на наш взгляд, было вызвано постепенным дистанцированием власти от общества (в период «междоусобных» битв претендентов на нее). Будучи «отпущено» (предоставлено самому себе), общество так реализовало свою *относительную свободу*.

10. Однако относительный период стабильности при отсутствии социально-экономического и социально-политического развития, сменившийся экономическим кризисом, сопровождался и кризисом в «эшелонах власти», что и явилось причиной внезапной (как «внезапность» войны) приватизации *национального достояния государства*, распада Советского Союза и кризиса Российского государства в целом.

11. Реконструкция исторической судьбы российского общества позволяет подчеркнуть вывод о *несостоявшемся* его превращении в демократическое социалистическое государство. Но среди вышперечисленных причин есть *еще одна*, не актуализированная в этом качестве в воспоминаниях современников о прошлом.

Никем не считалось число людей, погибших и погубленных во время революции и в послереволюционный период. Известна цифра людских потерь в Великую Отечественную войну, не считана цифра погибших *после* ее завершения...

За этими цифрами, по численности суммы своей сравнимыми с числом жителей не самых малых европейских стран, стояли не просто близкие оставшимся. Это были самые мужественные, самые самоотверженные, самые талантливые и образованные (уничтоженные в 1930–1940–1950-е гг. властью) мужчины. Это был *цвет нашей Родины*. Это были талантливые командиры, талантливые русские офицеры, самоотверженные бойцы, это были талантливые политики, экономисты, философы, ученые, отдавшие Родине свои способности и беспредельную преданность.

И не впадая в иллюзии и утопии, можно быть уверенными, что они бы *одержали победу над авторитаризмом*, тоталитаризмом, если победили фашизм! Представляется, что эта мысль должна присутствовать в самосознании народа в настоящее время. Тоталитаризм *не победил*, но *одержал верх* в силу гибели самой *дееспособной*, талантливой и смелой не просто части общества — его сердца...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Использование понятия «коммунизм» для обозначения нового общества объясняется Марксом и Энгельсом тем, что понятием «социалистические» наименуется ряд политических движений, стоящих «вне рабочего движения». Вместе с тем «та часть рабочего класса, которая

убедилась в недостаточности чисто политических переворотов и провозглашала необходимость коренного переустройства общества, называла себя коммунистической» (Маркс, Энгельс, 1974а: 10–11).

² С введением Человека в состав бытия, считает С. А. Рубинштейн, «преодолевается метафизический разрыв бытия на три несвязанных сферы — природу, общество, мышление» (Рубинштейн, 1997: 7).

³ Протестные формы были различны — и студенческий театр МГУ, и публичная акция сожжения чучела Дворянкина — любимого ученика Лысенко, и политическая голодовка выдающегося культуролога М. Гаспарова, и — в Институте философии — разделение сотрудников на левых и правых (придворных при власти академиков), и революционный захват власти В. А. Лекторским — талантливым философом, сместившим прежнего правоверного заведующего. В редакции «Вопросов философии» велась позиционная борьба между ответственным редактором Митиным и М. Мамардашвили, отстаивавшим право публикации передовых мыслящих философов (в числе которых были Э. Ильенков, Г. Батищев, А. Огурцов и... Ю. Левада, с именем которого и сегодня связан Центр изучения общественного мнения. К философам присоединялись ученые из числа социологов — А. Я. Ядов, Н. И. Лапин и многие другие).

⁴ Участие одного из авторов статьи в семинаре по обучению руководителей (директоров) различных предприятий производства (в числе которых были, например, директор Николаевского судопроизводственного объединения, директора сибирских центров, разрабатывающих источники различных промышленных ресурсов страны, и т. д.) новым методам и стратегиям управления показало, что эти талантливые организаторы были не только высоко мотивированы к получению информации в области инноваций в управлении производством, но уже сами реализовали на его отдельных участках механизмы самоуправления (например, сохранение сверхплановой прибыли завода для совершенствования его технического уровня. На началах скрытой «самодетальности» осуществляли натуральный обмен оборудованием между разными предприятиями, «доставая» необходимое не от государства, а «своими силами», и т. д.

⁵ Во время этих событий один из авторов (К. А. Абульханова), находясь во Франции в научной командировке, была приглашена известным в мире социальным психологом С. Московичи на семинар, в котором целью ее единственного доклада была презентация этого события, а французских коллег — выяснение их характера. На поставленный вопрос: «Кто пришел в этот момент к власти — наверное, это были представители “теневой экономики”, “черного рынка?”» я ответила патриотической неправдой: «Нет, приватизацию осуществили государственные лица, достигшие наиболее высокого уровня в управлении экономикой и имевшие конструктивные программы ее реализации». С. Московичи после семинара познакомил меня со своей теорией миноритарных групп, которые, представляя по численности небольшое меньшинство, добиваются признания их в качестве авторов социальных инноваций и признания их в статусе высших элит. Они движутся к этому статусу в процессе: 1) первоначального отклонения их идеи; 2) инкубации их идей большинству; 3) окончательного достижения статуса элиты (с этой концепцией был знаком коллега — философ А. П. Огурцов). Однако, несмотря на желание С. Московичи наложить эту концепцию на российскую ситуацию, в данном случае это было невозможно (Московичи, 1994).

⁶ Вопрос о том, возникают и развиваются новые государства по объективным законам истории или — согласно марксизму — создаются на научной основе, программе построения, остро поставленный французскими коммунистами, остался, как известно, не решенным.

⁷ «Интересы диктатора выдавались за интересы народа, трагедия настоящего прикрывалась оптимистической перспективой коммунистического будущего, — писал С. А. Рубинштейн. — Идеалом маскировалась устрашающая трагическая реальность» (Рубинштейн, 1997: 106).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердяев, Н. А. (1990) Русская Идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьско-

го зарубежья / сост. М. А. Маслин ; вступ. ст. М. А. Маслина, А. Л. Андреева. М. : Наука. 528 с. С. 43–272.

Данилевский, Н. Я. (1994) Россия и Европа. М. : Книга. 571 с.

Кольцова, В. А. (1981) Проблемы социальной психологии в трудах Г. В. Плеханова // Психологический журнал. № 5. С. 137–149.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955) Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М. : Политиздат. Т. 3. 650 с.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1974а) Манифест коммунистической партии. М. : Политиздат. 63 с.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1974b) Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М. : Политиздат. Т. 42. 513 с. С. 41–174.

Московичи, С. (1994) Влияние меньшинства // Иностранная психология. № 2. С. 18–24.

Московичи, С. (1995) Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. Т. 16. № 1. С. 3–18; № 2. С. 3–14.

Плеханов, Г. В. (1956) Письма без адреса; Искусство и общественная жизнь / послесл. и примеч. У. Гуральника. М. : Гослитиздат. 248 с.

Рубинштейн, С. А. (1973) Проблемы общей психологии. М. : Педагогика. 423 с.

Рубинштейн, С. А. (1997) Человек и мир. М. : Наука. 191 с.

Дата поступления: 15.11.2019 г.

KARL MARX'S CONCEPT IN THE CONSCIOUSNESS
AND PRACTICE OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE 20TH CENTURY

K. A. ABULKHANOVA, V. A. KOLTSOVA

RAS INSTITUTE OF PSYCHOLOGY

The article is dedicated to the 200th anniversary of Karl Marx — an outstanding thinker of mankind — and the reconstruction of the application of his ideas about the world revolution in one particular country — Russia.

The inconsistency of the October Revolution of 1917 with the concept of K. Marx is emphasized: the seizure of power not by the proletariat, but by a group of Bolsheviks who turned the revolution into a civil fratricidal war, the destruction of yesterday's comrades-in-arms — the opening of the era of authoritarianism in Russia.

The author highlights the contradictions of power and people at different stages of a spontaneously evolving society which lacks a scientific program for its construction, which resulted in the transformation of Marxism into a dogma, and at the same time into an ideology and policy that distracted the people from the authoritarian management of labor and life itself.

Attention is drawn to the fact that public consciousness does not correlate with being — as in Marxism — but with the power that defines it, turning into social psychology (the concept is used by the authors in its unconventional meaning in a historical context) of trust and fear.

The period of relative stability in society, achievements in labor management and the sprouts of self-government are replaced by stagnation, “thaw” and “velvet revolution”, which altogether, along with the degradation of power, failed to avoid the crisis of the end of the century.

Keywords: Karl Marx; Marxism; revolution; totalitarianism; socialism; social condition; social contradictions; history of psychology

REFERENCES

Berdiaev, N. A. (1990) *Russkaia Ideia. Osnovnye problemy russkoi mysli. XIX veka i nachala XX veka*. In: *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofy russkogo posleoktiabr'skogo zarubezh'ia* / comp. by M. A. Maslin; introductory article by M. A. Maslin and A. L. Andreev. Moscow, Nauka. 528 p. Pp. 43–272. (In Russ.).

Danilevskii, N. Ya. (1994) *Rossia i Evropa*. Moscow, Kniga. 571 p. (In Russ.).

Kol'tsova, V. A. (1981) *Problemy sotsial'noi psikhologii v trudakh G. V. Plekhanova*. *Psikhologicheskii zhurnal*, no. 5, pp. 137–149. (In Russ.).

Marks, K. and Engel's, F. (1955) Nemetskaia ideologija. In: Marks K. and Engel's F. *Sobranie sochinenii*. 2nd ed. Moscow, Politizdat. Vol. 3. 650 p. (In Russ.).

Marks, K. and Engel's, F. (1974a) *Manifest kommunisticheskoi partii*. Moscow, Politizdat. 63 p. (In Russ.).

Marks, K. and Engel's, F. (1974b) Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda. In: Marks K. and Engel's F. *Sobranie sochinenii*. 2nd ed. Moscow, Politizdat. Vol. 42. 513 p. Pp. 41–174. (In Russ.).

Moskovichi, S. (1994) Vliianie men'shinstva. *Inostrannaia psikhologija*, no. 2, pp. 18–24. (In Russ.).

Moskovichi, S. (1995) Sotsial'nye predstavleniia: istoricheskii vzgliad. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 16, no. 1, pp. 3–18; no. 2, pp. 3–14. (In Russ.).

Plekhanov, G. V. (1956) *Pis'ma bez adresa; Iskustvo I obshchestvennaia zhizn'* / afterword and notes by U. Gural'nika. Moscow, Goslitizdat. 248 p. (In Russ.).

Rubinshtein, S. L. (1973) *Problemy obshchei psikhologii*. Moscow, Pedagogika. 423 p. (In Russ.).

Rubinshtein, S. L. (1997) *Chelovek I mir*. Moscow, Nauka. 191 p. (In Russ.).

Submission date: 15.11.2019.

Абульханова Ксения Александровна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН, академик Российской академии образования. Адрес: 129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13. Тел.: + 7 (495) 683-38-09.

Кольцова Вера Александровна — доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией истории психологии Института психологии РАН. Адрес: 129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13.

Abulkhanova Ksenia Aleksandrovna, Doctor of Philosophy, Professor, Principal Research Fellow, RAS Institute of Psychology; Member, Russian Academy of Education. Postal address: 13, Yaroslavskaia St., Moscow, Russian Federation, 129366. Tel.: + 7 (495) 683-38-09.

Koltsova Vera Aleksandrovna, Doctor of Psychology, Professor, Head, Laboratory of History of Psychology, RAS Institute of Psychology. Postal address: 13, Yaroslavskaia St., Moscow, Russian Federation, 129366.